

О ВНУТРЕННИХ ПРИЧИНАХ ПОЯВЛЕНИЯ ФОНЕТИЧЕСКИХ ДУБЛЕТОВ

Этимология, по меткому выражению Кипарского, — альфа и омега лингвистики. Ее зарождение и развитие тесно связано с возникновением и постоянным совершенствованием сравнительно-исторического языкознания. Я бы сказал, что отношения между этимологией и сравнительно-исторической грамматикой в какой-то степени напоминают отношения между Изидой и Озирисом древнеегипетской мифологии. Только на этимологическом материале строятся сравнительные грамматики, конечной целью которых является реконструкция праязыка и его истории. Однако лишь данные этих наук являются критерием научности, надежности, вероятности этимологических решений. Каким бы изящным ни был самый микроскопический анализ семантических связей, без строгого соблюдения методов сравнительно-исторического исследования этимологическое решение не будет достаточно надежным.

Но вот уже более ста лет тому назад обнаружены все регулярные соотношения (типа *мать—mater*), выявлены все «прозрачные» этимологии, установлены основные «фонетические законы». И на долю этимологов поколения Ильинского остались лишь «непрозрачные», «темные» этимологии, нерегулярные соответствия. Казалось, что в этимологических исследованиях стал проявляться субъективизм и произвол, все больше и больше стало появляться равновероятных и спорных этимологических решений. Уже сейчас некоторые слова имеют до десяти, остающихся спорными, решений. Давно заговорили об опасности снижения уровня этимологических исследований, об опасности «этимологической анархии», о необходимости совершенствования методов, о необходимости поиска новых критериев надежности этимологий.

С другой стороны, дальнейшее развитие сравнительной грамматики и науки о праязыке, в частности праславянском, все более и более испытывает нужду в надежных этимологиях. Когда пытаешься проверить установленные «фонетические законы», то с удивлением убеждаешься, что случаев регулярных соответствий, надежных этимологий на многие, самые очевидные, вопедшие в плоть и кровь нашей науки явления и процессы, — очень мало, буквально единицы. Нередко, наоборот, целая серия соответствий

не вполне регулярных, но уже относительно многочисленных, казалось бы, должна свидетельствовать о том или ином процессе или явлении, но за нерегулярностью соответствий и ненадежностью этимологий такое явление не находит места в сравнительной грамматике. С другой стороны, не получив посвящение сравнительной грамматикой в титул «фонетического закона», соответствия, отражающие такое явление, не могут считаться надежными этимологиями.

Попытки найти выход из такого замкнутого круга особенно характерны для этимологических и сравнительно-исторических работ Махка, но Махек искал выход в рамках сравнительно-исторического метода.

Надо заметить, что сам по себе сравнительно-исторический метод вообще нередко дает несколько равновероятных решений, зачастую резко противоречащих друг другу, иногда просто противоположных, но ни на йоту не противоречащих принципам этого метода. Пожалуй, Эндзелин впервые обратил внимание на это. Еще в «Балто-славянских этюдах», подводя итог спорам о качестве праслав. *ǎ/ǝ* (< *ā и *ǝ), он подчеркнул, что с точки зрения сравнительно-исторической грамматики как сторонники *ǎ*, так и *ǝ* в одинаковой мере правы. Решение равновероятно. Очевидно, равновероятно решение вопроса о качестве праслав. *ě* (широкое или узкое, монофтонг или дифтонг). Равновероятны, с точки зрения сравнительно-исторического метода, решения проблемы гуттуральных (три или два ряда, лабиальный или палатальный второй ряд) и многих других проблем. Выбор одного из равновероятных решений следует искать за рамками сравнительно-исторического метода. В частности, в данном случае может оказать серьезную услугу младшая дочь сравнительно-исторической лингвистики, родившаяся от ее брака со структурализмом, — диахроническая фонология.

Диахроническая фонология систематизирует инвентарь фонем, добытый сравнительной грамматикой, и строит фонологическую систему праязыка на разных этапах его развития, корректируя свои построения данными типологии, фактическим материалом живых языков, и не только родственных. Таким образом, диахроническая фонология может свидетельствовать в пользу одного из нескольких равновероятных решений, предлагаемых сравнительно-историческим методом.

Думается, что диахроническая фонология сможет сослужить добрую службу не только сравнительной грамматике, но и этимологии.

Прежде всего уже сейчас можно поставить, хотя предварительно, вопрос о закономерностях появления фонетических дублетов внутри одной языковой системы.

Нередко при этимологизировании приходится считаться с фактом фонетических дублетов типа русск. *корова*—*серна*, диал.

озород—огород, общеслав. *gnos—*gnus, *klikati—*klicati и т. п. Как решить эту этимологическую задачу, не поступаясь постулатом сравнительно-исторического метода о безысключительности «фонетических законов»? Поиски особой позиции, обусловившей нарушение действия фонетического закона, нередко приводят к множеству равновероятных и спорных решений, а в данном случае сам факт наличия дублетов в одной и той же языковой системе снимает вопрос об особой позиции, так как разные рефлексy отмечаются в одном и том же слове, в одной и той же позиции (тип *gnos—*gnus). Одно время отступления от последовательности того или иного «фонетического закона» было модно объяснять различием в интонационных условиях. Позже, когда было показано, что такого рода объяснения сводятся к решению неизвестного путем отсылки к неизвестному (ср. соответствующее высказывание Бубриха), ларингалы стали тем ключом, которым пытались открыть все двери. При всем уважении к ларингальной теории, следует признаться, что ларингалы не стали волшебной лампой Алладина.

Иногда отступления от «фонетических законов», и в частности наличие дублетов, удается объяснить действием морфологического фактора (тип *klikati—*klicati), но в большинстве случаев и это не удается.

Тогда остается прибегнуть к факторам внешней лингвистики или вообще к экстралингвистическим факторам (субстрат, передвижение и скрещивание племен, заимствование, проникновение и т. п.). Безусловно, действие такого рода факторов имеет и имело место в действительности, но здесь, особенно при решении вопросов глубокой древности, приходится за решением неизвестного обращаться к еще более неизвестному, выходя за пределы не только фонологии, но и лингвистики вообще.

Иногда сам характер фактического материала полностью исключает даже минимальную вероятность заимствования. Ср., например, соответствующие рассуждения о польских и славянских дублетах с *q/u* покойного Лер-Сплавинского, вообще-то легко оперировавшего действием экстралингвистических факторов. Действительно, едва ли польск. *nuda*, *gruby*, топоним *Paluki* можно считать восточнославянским дублетом к собственно польским *nędza*, *grębow*, *ląka* при ст.-слав. дублетах **нѣдѣти** и **ноудѣти**.

А между тем наука собирает все большее и большее количество случаев отступления от «фонетических законов» внутри одной языковой системы. И вот, вслед за Шухардтом, впервые поставившим под сомнение постулат о непреложности «фонетических законов», начинаются разносторонние попытки обойти этот краеугольный камень сравнительно-исторического метода. Появляется множество спорных этимологических сближений, *ad hoc* выдвигаются законы, необходимые для сближения нескольких сомнительных параллелей.

Попытка создания какой-либо общей теории, объясняющей отклонения от «фонетических законов», принадлежит Махку, согласно которому экспрессивные и ономато-поэтические выражения легко поддаются многочисленным изменениям, которые и приводят в конце концов к отступлениям от «фонетических законов» внутри одной и той же языковой системы. Безусловно, зерно истины в принципиальных рассуждениях Махка есть, но уж слишком широки возможности изменений, их фактически невозможно систематизировать, предсказать, они почти безграничны, почти все может трансформироваться во все. Кроме того, каждый раз этимолог должен доказать, что исследуемое слово когда-либо могло принадлежать к экспрессивному слою лексики. Для большинства слов, приводимых в известной книге и этимологическом словаре Махка, доказать это невозможно (ср. аналогичные замечания Трубачева в рецензии на словарь Махка).

Почти одновременно с выходом книги Махка начинается диахроническая фонология как наука. Может быть, она сможет ответить на вопрос: а действительно ли непреложны «фонетические законы»? Если они непреложны, то как объяснить отступления от них?

С точки зрения диахронической фонологии фонетические законы можно свести к двум различным по своему характеру процессам:

- 1) трансфонологизация дифференциальных признаков;
- 2) трансфонологизация фонем и аллофонов.

В первом случае героем фонологических процессов является дифференциальный признак: он может трансфонологизироваться, т. е. перейти (термин введен Р. Якобсоном) в другой признак, или дефонологизироваться, т. е. утратиться, уйти из системы совсем. Такое фонологическое изменение охватывает всю фонологическую систему целиком, здесь утрачивается старый и появляется новый признак, следовательно, такое изменение непосредственно касается всех фонем, противопоставляющихся по данному признаку. Здесь ожидается последовательность фонологического процесса не только в рамках фонологической системы, но и в языковой системе целиком; здесь можно не ожидать отступлений от «фонетических законов», не ожидать фонетических дублетов, здесь можно искать регулярные соответствия.

Из примеров, имеющих отношение к праславянскому материалу, следует привести дефонологизацию («утрату») признака придыхательности в системе консонантизма с последующей конвергенцией («совпадением», термин введен Поливановым) рядов придыхательный — непридыхательный в одном ряду.

Хорошим примером на трансфонологизацию дифференциальных признаков может послужить «переход» прежнего признака долготы прежних сонантов и первой части дифтонгов в признак интонации: акут — циркумфлекс.

Сюда же можно отнести и переразложение дифференциальных признаков внутри сегмента, на стыке фонем. Это своего рода изоморфизм Бодуэновского переразложения основ в пользу окончаний. Если на морфологическом уровне на стыке морфем оказывается подвижной меньшая единица — фонема, то на стыке фонем подвижен дифференциальный признак. Происходит сдвиг границы между фонемами. Дифференциальный признак, ранее относившийся к одной фонеме, на последующем этапе становится принадлежностью другой, соседней. Такое явление наблюдается, между прочим, и при синхронном положении двух фонологических систем, при билингвизме. Между прочим, в работах, посвященных поискам изоморфизма, о такого рода изоморфизме не говорят. Однако есть основание полагать, что явление, подмеченное Бодуэном де Куртене, характерно для всех ярусов языка: постоянный сдвиг границы между элементами языка происходит не только на фонологическом и морфологическом уровне, но и на синтаксическом и лексико-семантическом, что может, как кажется, вызвать интерес и этимологов.

К случаям передвижки границы между соседними фонемами путем переразложения дифференциальных признаков относится процесс монофтонгизации дифтонгов (сдвиг признака слоговости со слогового элемента на прежний неслоговый сонант $\check{V}S \rightarrow \check{V}S_0$). Сюда же относится процесс йотации согласных как процесс объединения признаков двух соседних фонем.

В этих и им подобных случаях дублетные формы не ожидаются, если на древние процессы не наложились «шумы» последующих, более поздних процессов, связанных как с трансфонологизацией фонем и поисками новой мотивации их функционирования, так и с действием фактора морфологического и прочего выравнивания. Почтенная у младограмматиков госпожа Аналогия должна уважаться и здесь, она, к некоторому неудобству этимологов, хорошо «работает» в языке.

Совсем иное дело — второй тип фонологических изменений — трансфонологизация фонем. Сюда же входит и трансфонологизация аллофонов, т. е. превращение вариантов фонем в самостоятельные фонемы. Здесь система дифференциальных признаков остается прежней, лишь одна или несколько фонем, ранее слабо включенных в систему, получают новый лишь для них, но старый для всей системы признак.

Вот здесь-то, наряду со случаями последовательного проведения фонологических процессов, через всю толщу морфемного и лексического материала может проявиться и непоследовательность, могут остаться фонетические дублеты, нарушающие чистоту соответствий.

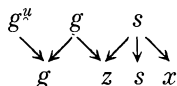
Наиболее продуктивные «производители» фонетических дублетов — те фонологические процессы, которые идут под действием так называемого давления системы (понятие, введенное Мартине).

Для большей наглядности специфики и характера такого рода фонологических процессов можно привести пример из современного русского языка. Здесь под давлением системы, имеющей корреляцию твердых и мягких согласных, происходит фонологизация мягких аллофонов задненебных, появляются диалектные *Вáн'к'а*, *чайк'ý*, появляются дублиеты *пек'бш* и *печбш*, а вот *тчбш* уж, пожалуй, никто и не скажет. Процесс этот длительный, с трудом преодолевающий толщу лексического материала и территории, появляются дублиеты, которые могут сохраняться на весьма длительное время, ведь целиком мягкие аллофоны задненебных фонологизоваться не могут, ибо должна же остаться позиционная мягкость, как и в других случаях. С другой стороны, для фонологической системы безразлично, где, в какой морфеме или лексеме фонологизируется мягкий аллофон, а в какой он останется вариантом твердой фонемы, для фонологической системы важно вывести мягкие и твердые из состояния дополнительного распределения, побольше набрать случаев, где бы мягкость задненебного не была обусловлена последующим мягким гласным.

На праславянском материале примером такого процесса может послужить процесс дивергенции («расщепления», термин введен Поливановым) прежних слоговых сонантов на дизный—недизный, смягченный—несмягченный, что проявляется как двойное отражение праиндоевропейских слоговых сонантов в праславянском, как и в балтийском, что отражается в реконструируемых соответствиях и.-е. $*R \rightarrow *iR/uR$ балто-славян. Этот процесс может трактоваться именно как процесс, вызванный давлением системы, в которой уже сложилось сингармоническое противопоставление смягченных—несмягченных групп, смягченных—несмягченных согласных и следующих за ними гласных переднего—непереднего ряда (ну как тут можно обойтись без термина «дизных—недизных группофонем»?). Однако прежние слоговые сонанты не противопоставлялись по этому признаку. Под давлением системы этот признак должен был распространиться и на них (ср. схожую гипотезу Куриловича). Для фонологической системы безразлично, в каком слове, в какой морфеме будет смягченный, а где — несмягченный сонант, лишь бы эти фонемы вошли в тот или иной ряд, получая ранее отсутствовавший у них признак. Здесь и могут появляться фонетические дублиеты в одной и той же системе, здесь ожидаются случаи нерегулярных соответствий. Примеров нерегулярного соответствия между балтийским и праславянским, как и внутри балтийских и между славянскими языками, так и внутри любой славянской языковой системы достаточно много, они собраны Траутманом и опубликованы в специальной статье в журнале «Slavia». Сошлюсь хотя бы на примеры из русского: *горло*—*жерло*, *скорбь*—*щербина* ($\leftarrow *gurd\text{-} \sim gird\text{-}$, *skurb-*—*skirb-*) и т. п. Поиски мотивации употребления смягченного—несмягченного сонорного, конечно, могли происходить не без влияния абляутных форм, не

без предпочтительности той или иной позиции (между веларными ~ после дентальных) и, в конце концов, так или иначе упорядочиться за счет одного из дублетов, но могут сохраниться и дублетные формы.

Другой случай, когда под давлением системы прежний $*s$, слабо включенный в систему, расщепился на аллофоны s , z , x с последующей их фонологизацией. Для фонологизации аллофона z необходимо вывести z из состояния дополнительного распределения с s (позиция рядом со звонким согласным). Наиболее вероятный путь фонологизации z — конвергенция, совпадение с аллофоном другой фонемы; такой фонемой могла быть $*g$, которая расщепилась, дивергировала (по Поливанову, дивергенция обычно сопровождается конвергенцией), какая-то часть ее, какой-то аллофон «переходит» в z , другая ее часть, другой аллофон остается как g . Последний должен был конвергировать с $*g^k$, ибо на новом синхронном срезе оставался лишь один ряд задненебных и признак лабиализации задненебных стал избыточным:

Это и проявилось в том, что этимологический материал с гуттуральными языков *kentum* и *satəm* не накладывается друг на друга полностью, что и породило гипотезу о трех рядах гуттуральных. Но нерегулярные соответствия наблюдаются внутри языков обеих групп, как и внутри языковой семьи или одного языка. Здесь-то и проявляются дублеты типа *ogorod* ~ диал. *ozorod*, *golen* ~ *zelen*, приведенные Ф. Безлаем из словенского. Более подробный список нерегулярных соответствий гуттуральных можно найти в работах В. Георгиева.

Аналогичный случай с так называемой бодуэновской палатализацией. С одной стороны, необходимость фонологизации аффрикат s , z путем их выхода из состояния дополнительного распределения с k , g (позиция перед гласным переднего — непереднего ряда), с другой стороны, начавшаяся тенденция распада слогового сингармонизма привели к взаимодействию соседних согласных и гласных через границу слога и дивергенции, расщеплению все еще перегруженных фонем k и g ; какая-то их часть, в каких-то морфемах пошла на укрепление, фонологизацию s , z . Такой процесс и не может быть последовательным. Результаты этого процесса непоследовательны между отдельными славянскими языками: на сто возможных случаев третьей палатализации представлено 74% в сербохорватском (больше всего) и в белорусском — 19% (всего меньше). Результаты этого процесса непоследовательны и внутри одного и того же языка: словен. *zrcálo* и *zrkálo*, укр. *язя* и *язя*, польск. *olcha* и *olsza*, общеслав. *klikati* и *klicati* и т. д.

Иногда по причинам фонологического характера происходит конвергенция фонем, совпадение двух фонем в одной из них. Такое совпадение, естественно, не происходит мгновенно, а постепенно, путем «нащупывающего выбора», по меткому выражению Ф. Фрея, совпадение происходит то в одной, то в другой из них. Лишь позже возьмет перевес один из возможных путей совпадения. Он и генерализуется, но где-то на периферии языковой системы, в каких-то морфемах и словах могут остаться и следы поиска, следы начального развития по иному пути. Если же при этом появится возможность совпасть с третьей фонемой, то при ее реализации возникнут нерегулярные соответствия, дублетные формы.

Примером на такое явление может послужить конвергенция $\ddot{a}$ ($\langle *e \rangle$) и $\acute{e}$ ($\langle *oi \rangle$), ср. русск. *прямой, всякий, деревянный*, где 'а на месте общеслав. $\acute{e}$ — не что иное, как след возможного совпадения в широком $\ddot{a}$ (как в болгарском и польском) с последующей дивергенцией $\ddot{a}$ ($\langle \acute{e} \rangle$).

Аналогичный след «нащупывающего выбора» представляют польские и болгарские дублеты типа ст.-слав. *пѣдѣти* и *поудѣти*, *гнѣсъ* и *гнуоскъ*.

Трансфонологизация фонем не происходит мгновенно, процесс «нащупывающего выбора» весьма длителен и идет он обычно через этап сосуществующих систем. В конце концов одна из сосуществующих фонологических систем генерализуется, но следы прежней фонологической системы в том или ином реликте могут сохраниться. Это и будет основным внутренним источником появления дублетных форм, проявления непоследовательности, нерегулярности соответствий.

Может быть, не стоит увеличивать количество примеров, не стоит здесь перечислять все возможные фонологические процессы, все случаи, когда возможны непоследовательные, «частичные» процессы; не стоит перечислять все собственно праславянские процессы и явления, где, с точки зрения диахронической фонологии, допустимы нерегулярные соответствия, дублетные формы. Увеличивая количество примеров на нерегулярные соответствия, в данном случае рискуешь быть неправильно понятым: не хочу, чтобы меня сочли сторонником тех, кто ставит под сомнение краеугольный камень сравнительно-исторического метода — постулат о непреложности фонетических законов, внося произвол и субъективизм в сравнительно-исторические и этимологические исследования. Мне хотелось лишь показать, что диахроническая фонология, существующая как особая наука лингвистического цикла уже более четверти века, дает возможность предсказать, где следует ожидать, где следует искать регулярные соответствия, а где вероятны и допустимы фонетические дублеты и каков их возможный фонетический облик.

С точки зрения диахронической фонологии «фонетические процессы» могут иметь принципиально различное фонологическое

содержание: трансфонологизация дифференциальных признаков и трансфонологизация фонем. В первом случае фонологический процесс проходит через всю языковую систему последовательно. Здесь в принципе следует искать регулярные соответствия, если на результаты данного процесса не наложались «шумы» последующих, более поздних процессов. Во втором случае возможны отступления, возможна непоследовательность процесса, возможны нерегулярные соответствия и дублетные формы.

Можно надеяться, что тесное содружество этимологии и диахронической фонологии пойдет на пользу обеим наукам. Данные диахронической фонологии смогут быть критерием надежности этимологических решений. Лишь на фундаменте надежных этимологий можно построить историю фонологической системы праязыка.

И еще одно небольшое замечание относительно принципа гомогенности в научных исследованиях. С точки зрения этого принципа изучение того или иного факта должно быть исследовано первоначально методами той науки, к предмету которой относится данный факт. Только исчерпав все возможности данной науки, «неразрешенный остаток» можно перенести за пределы компетенции данной науки. Здесь не случайно много места уделено вопросу о месте этимологических исследований по отношению к сравнительно-историческому языкознанию. Думается, что обращение этимолога к диахронической фонологии будет законным только в том случае, если уже будут исчерпаны все возможности сравнительно-исторического метода, включая филологический анализ, филологическую критику текста, откуда берется исследуемое слово.

С другой стороны, исследуя фонетический аспект изучаемого слова и исчерпав всю «разрешающую способность» фонетики, следует обратиться к соседнему уровню, передать «неразрешенный остаток» последовательно фонологии, морфологии и т. д. И только исчерпав «разрешающую способность» внутренней лингвистики, можно обратиться к внешней лингвистике, искать влияние внелингвистических факторов.